

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82-09

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-2-61-68

Дата поступления: 21.04.2022
рецензирования: 06.06.2022
принятия: 17.06.2022

С.А. Голубков

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: golubkovsa@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3423-1520>

Горизонты пространственного мировидения писателя Н.Г. Гарина-Михайловского

Аннотация: в данной статье идет речь о роли пространственных образов в сознании писателя. Писатель, имеющий богатый опыт путешествий и сравнительного восприятия «своего» и «чужого», будет выглядеть куда более авторитетным и объективным описателем отечественных пространств и жизненных реалий. Поездки инженера-путейца и писателя Николая Георгиевича Гарина-Михайловского расширяли багаж пространственных впечатлений и непосредственно влияли на его творчество. Пространственный опыт нашел отражение в путевых очерках «Картинки Волыни», «Карандашом с натуры. По Западной Сибири», «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову», «Из окна вагона», «Вокруг света». Такие отражения и составляют уникальную метагеографию – свод субъективных образов земных пространств. Особое значение приобретала в сознании Н.Г. Гарина-Михайловского дорога как таковая и ее переплетающиеся символические смыслы. Это связано было и с участием инженера Михайловского в осуществлении масштабных транспортных проектов. Дорога в сознании русского человека, помимо чисто утилитарного значения, обрела и более широким семантическим приращением. Сознание Н. Гарина-Михайловского не ограничивалось провинциальной темой, его интересовали проблемы развития цивилизации, возможности и вызовы современной технической эпохи, события и процессы социальной истории. Находясь в уездном городке или в заволжской деревне, он всегда чувствовал свою принадлежность к большому миру. Примечателен очерк «Вокруг света», отразивший впечатления от кругосветного путешествия, совершенного в 1898 году. Весьма значимы цивилизационные, социальные и психологические аспекты размышлений автора.

Ключевые слова: метагеография; мировидение; пространственный опыт; путевой очерк; символика дороги; семантическое приращение; цивилизация; повествовательная оптика.

Цитирование: Голубков С.А. Горизонты пространственного мировидения писателя Н.Г. Гарина-Михайловского // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 2. С. 61–68. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-2-61-68>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Голубков С.А., 2022 – доктор филологических наук, профессор, кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

S.A. Golubkov

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: golubkovsa@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3423-1520>

The dimensional outlook levels of the writer N.G. Garin-Mikhailovsky

Abstract: in the present article the author analyzes the role of images in the writer's consciousness. A writer, possessing extensive travel experience and comparative perception of "his" / "her" and "someone else's" concepts and ideas, will look like a much more trustworthy and objective descriptor of domestic spaces and life realities. The railway trips of the engineer and writer Nikolai Georgievich Garin-Mikhailovsky have produced an impact on the dimensional impressions and his work. The author's dimensional experience is reflected via the travel sketches "Volynia Pictures", "Drawing from Nature with a Pencil. Across the Western Sibe-

ria”, “Across Korea, Manchuria and Liaotung Peninsula”, “Through the Window of the Wagon”, “Around the World”. Such literary images constitute a unique metageography – a set of subjective images of the surrounding spaces. The concept “road” and its intertwining symbolic meanings has acquired special significance for N.G. Garin-Mikhailovsky. The above-mentioned influence may be interpreted due to the participation of engineer Mikhailovsky in the implementation of huge transport projects. In addition to its purely utilitarian meaning, the road in the consciousness of the Russian person has acquired a broader semantic increment. N. Garin-Mikhailovsky’s consciousness has not been limited to the provincial theme, he has also been interested in the problems of the civilization development, the opportunities and challenges of the modern technical era, events and processes referring to the social history. Being in a county town or in the Volga Region village, he has always felt that he belonged to a bigger world. The sketch “Around the World” is notable in this case, reflecting the impressions of a round-the-world trip made in 1898. The civilizational, social and psychological aspects of the author’s reflections are of great relevance and significance.

Key words: metageography; worldview; spatial experience; travel essay; road symbolism; semantic increment; civilization; narrative optics.

Citation: Golubkov, S.A. (2022), The dimensional outlook levels of the writer N.G. Garin-Mikhailovsky, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 2, no. 2, pp. 61–68, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-2-61-68>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Golubkov S.A., 2022** – Dr. philol. habil., Professor, Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Россия находится в одном из срединных мест огромной Евразии. Масштаб широкого континентального мышления не позволяет ограничиваться только своим уголком. Огромный внешний мир с его знаменитыми и малоизвестными городами, тихими поселениями, заповедными и укромными «затерянными мирами» живет во многих тысячах литературных отражений. Такие отражения и составляют уникальную *метагеографию* – *свод субъективных образов земных пространств* (Замятин 2004). Эти образы множатся, наслаиваются один на другой.

Писательскую жизнь, творческую судьбу можно определить по-разному, что и делали в своих трудах критики, литературоведы, да и сами художники слова. Среди великого множества подобных определений возможно и такое: жизнь писателя – это бесконечный *роман с пространством*. Даже, вернее, со многими пространствами. Их, в самом деле, немало – этих пространственных сфер. Есть ближний круг – те топосы, с которыми связана каждодневная жизнь писателя во всем многообразии личностных контактов и отношений. Наблюдения над этой средой дают художнику многое для понимания человеческих характеров и механизмов социального взаимодействия. Есть дальний круг, состоящий из отечественных и чужеземных пространств, опыт постижения которых приобретает в ходе деловых поездок, вынужденных миграций, мучительных скитаний. В этой беспредельно широкой пространственной сфере писателю открываются города, страны, континенты. Идет приобщение к глобальному сообществу землян. Приобретаемая широта взгляда, несомненно, влияет

на ценностную шкалу писательской Личности. А есть еще внутреннее пространство, собственный духовный и душевный мир, в который писатель на протяжении своей творческой жизни вглядывается с немалым интересом и энтузиазмом, – в «тайное тайных» глубин персонального «Я». Как говорится, «большое видится на расстоянии». Писатель путешествуя, открывающий новые земли, неизбежно будет лучше понимать и масштаб разных величин отечественного бытия, острее воспримет зов «родных осин». Пресловутый «кулик», бездоказательно «хвалящий свое болото», страдает, как правило, узостью пространственного мышления. Он лишен главного аналитического инструмента – способности сопоставить. И, напротив, писатель, имеющий богатый опыт сравнительного восприятия «своего» и «чужого», будет выглядеть куда более авторитетным и объективным описателем отечественных пространств и жизненных реалий. И это понятно – в восприятии «своего» пространства нам порой не хватает эффекта *остранения*, взгляда «со стороны». Ведь «свое» примелькалось, давно стало привычным фоном. В нашем восприятии рутинной повседневности уже нет элемента удивления. А без удивления невозможно обнаружить необычное, новое, открыть странное в старом. Петербург, увиденный *петербуржцем* Блоком, и Петербург, увиденный *москвичом* Андреем Белым, суть разные города. Надо быть выходцем из уездной Лебедяни Евгением Замятиным, чтобы обнаружить в 1916 году в английской жизни непривычные, странные черты машиноподобия, а в жителях элементы манекенности. Вспомним, как описываются обитатели Джесмонда в повести «Островитяне».

Писатель Николай Георгиевич Гарин-Михайловский и по обстоятельствам биографии, и в силу склада своего динамичного характера, присутствующей природной любознательности, и благодаря своей первой профессии (инженер-путеец), а также под воздействием общественных настроений эпохи очень много ездил по России, а однажды совершил и кругосветное путешествие. Все это значительно расширяло багаж пространственных впечатлений и непосредственно влияло на его творчество. Уже заглавия произведений писателя содержат маркеры такого пространственного опыта: «Несколько лет в деревне», «Деревенские панорамы», «В сутолоке провинциальной жизни», «Картинки Волыни», «Карандашом с натуры. По Западной Сибири», «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову», «Из окна вагона», «Вокруг света».

Ход исследования

Несмотря на то, что как писатель Н. Гарин-Михайловский начинался с художественного освоения провинциальной темы, он мыслил широко, его сознание было лишено герметизма, его интересовали проблемы развития цивилизации, возможности и вызовы современной технической эпохи, события и процессы социальной истории. Находясь в уездном городке или в заволжской деревне, он всегда чувствовал свою принадлежность к большому миру. Грандиозное и малое, отечественное и зарубежное, приватное и общественное – самые разные начала совместились в этой жизни. Масштабные проекты, в которых принимал участие инженер-путеец, строительство великой сибирской железной дороги, неожиданное увлечение сельским хозяйством, уроки бытия самарского помещика, семейные радости чадолюбивого отца, просветительство, писательский дебют, вхождение в разноликую литературную среду, возвращение в круг профессиональных инженерных забот, увлечение собиранием и переложением корейских сказок, встреча с царем в Аничковом дворце, кругосветное путешествие, свое «открытие» Америки, увлечение гражданскими идеями общественной жизни – сколько самых разных граней российской действительности отразилось в жизни одного человека!

Особое значение приобретала в сознании Н.Г. Гарина-Михайловского *дорога* как таковая и ее переплетающиеся символические смыслы. Дорога в сознании русского человека, помимо чисто утилитарного значения (путь сообщения между населенными пунктами), обрастала и более широким семантическим приращением.

Такой дорогой – многомерным концептом – могла быть Волга. И в творчестве целого ряда писателей она становилась смыслоемкой доминантой. Река в жизни волжского города была не

только удобной транспортной магистралью, но была чем-то значительно большим – *позвоночным столбом нации*, наглядным выражением общенародного единства, ведь река «собирала» на своих берегах рассыпанное по российским просторам население. Именно этот мировоззренческий, духовно-сакральный смысл имел в виду Василий Розанов, когда в своей известной статье назвал Волгу «русским Нилом»: «“Русским Нилом” мне хочется назвать нашу Волгу. Что такое Нил – не в географическом и физическом своем значении, а в том другом и более глубоком, какое ему придал живший по берегам его человек? “Великая, священная река”, подобно тому, как мы говорим “святая Русь” в применении тоже к физическому очерку страны и народа. Нил, однако, звался “священным” не за одни священные предания, связанные с ним и приуроченные к городам, расположенным на нем, а за это огромное тело своих вод, периодически выступавших из берегов и оплодотворявших всю страну. Но и Волга наша издревле получила прозвание “кормилицы”. “Кормилица-Волга”... Кроме этого названия, она носит другое и еще более священное – матери: “матушка-Волга”... Так почувствовал ее народ в отношении к своему собирательному, множественному, умирающему и рождающемуся существу. “Мы рождаемся и умираем, как мухи, а она, матушка, все стоит (течет)” – так определил смертный и кратковременный человек свое отношение к ней, как к чему-то вечному и бессмертному, как к вечно сущему и живому, тельному условию своего бытия и своей работы. “Мы – дети ее; кормимся ею. Она – наша матушка и кормилица”. Что-то неизмеримое, вечное, питающее...» (Розанов 1989, с. 192–193). Именно здесь сформировалась особая созерцательность русского человека, поселявшегося на берегах великой реки. Река манила путешествовать, она обещала новые горизонты и новые судьбоносные встречи.

Но в исторической судьбе России в XIX–XX вв. все большее значение стала приобретать *железная дорога*, которая позволяла надежно «сшить» воедино отдельные «куски» огромного континентального пространства. Инженер Н. Михайловский в силу своих профессиональных обязанностей был связан с проектированием и строительством самых различных дорог – и железнодорожных путей, и шоссейных дорог с твердым покрытием.

В 1983 году во время летней командировки в болгарскую Стара-Загору мне удалось побывать в Бургасе. Коллеги из местного Института усовершенствования учителей, где мы читали лекции, однажды повезли нас на черноморское побережье по старинной дороге, которую когда-то строил молодой российский инженер Николай Георгиевич Михайловский, впоследствии приобретший себе

литературную известность как писатель Н. Гарин. Работая в 1972–1974 годах в литературно-мемориальном музее имени М. Горького в Куйбышеве, я познакомился с любопытными подробностями жизни и творчества этого талантливый инженера и писателя, «русского Монте-Кристо», как его когда-то называли. Много раз я водил экскурсии по залу Н.Г. Гарина-Михайловского, много раз перечитывал его очерки и повести, обращался и к серьезным научным исследованиям (скажем, одной из первых монографий была обстоятельная книга И.М. Юдиной (Юдина 1969)), и к популярной, весьма занимательно написанной книге Л.Н. Тыняновой «Неукротимый Гарин» (Тынянова 1974). А в 1980 году написал и предисловие к одному томику избранных сочинений Гарина, издававшегося Куйбышевским книжным издательством.

Молодой инженер Н. Михайловский, вчерашний выпускник Петербургского института путей сообщения проектировал в напряженные годы Русско-турецкой войны 1877–1878 годов дорогу к Бургасу как дорогу стратегического назначения. Это был первый важный проект в его жизни. В наше время на дороге современное асфальтовое покрытие, и она не совсем та, какой была в годы далекой Балканской войны. По мирной дороге, к счастью, сейчас не везут пушки, не передвигаются в походном марше войска, по ней едут к Черному морю беспечные отдыхающие с отпускным настроением и летними планами.

В последующие годы Н.Г. Гарин-Михайловский получал назначение и в Бессарабию на реконструкцию Бендеро-Галацкой железной дороги (1879), и на Закавказскую железную дорогу (1880–1884). А с 1886 года Н. Михайловский на протяжении ряда лет увлеченно работал на строительстве масштабной Транссибирской железнодорожной магистрали, открывшей удобный транспортный выход к Японскому морю и тихоокеанским просторам. А в 1898 году Н. Михайловский, уже ставший к тому времени известным писателем, опубликовавшим под псевдонимом Н. Гарин, совершил большое кругосветное путешествие. Чем он был примечателен, этот 1898 год? Что знаменовал, какие порождал надежды или, напротив, тревоги? В исторических справочниках и хрониках можно найти весьма пеструю россыпь самых разнородных фактов. Вот только некоторые из них. Построен по проекту С.О. Макарова первый русский ледокол «Ермак». Вышел первый номер журнала «Мир искусства». К.С. Станиславский и В.И. Немирович-Данченко основали Московский художественный театр. В Петербурге открыт Русский музей. Опубликован роман Герберта Уэллса «Война миров». Пьер и Мари Кюри открыли радий. Создатель высокоэффективного двигателя Рудольф Дизель получает широкую известность и становится в 1898 году

миллионером. В Самаре владелец Жигулевского пивоваренного завода Альфред фон Вакано возводит заводскую электростанцию с первоначальной мощностью 150 киловатт, которая (опять же впервые в Самаре) обеспечивает электрическим освещением не только производственные помещения, но и квартиры заводского персонала. В перечне разнообразных событий этого года, больших и малых, как видим, немалую долю занимает техническая составляющая (открытия, изобретения).

Входящие в бытовой обиход новые средства транспорта, скажем, вполне комфортабельные для того времени пароходы и поезда, делают возможными и увлекательными весьма продолжительные странствия на очень и очень большие расстояния. Широко раздвигается горизонт запросов и ожиданий. Из сферы иллюзорно-романтических мечтаний они переходят в сферу вполне реальной жизненной практики. Не только профессиональные мореплаватели, но и даже далекие от морских профессий люди начинают обдумывать планы кругосветных путешествий. Вот и известный тогда многим самарцам инженер-путеец, публицист и писатель Н.Г. Гарин-Михайловский отправляется в такую поездку. Намеченный маршрут весьма заманчив: Харбин, Гонолулу, Сан-Франциско, Чикаго, Нью-Йорк, Лондон, Париж, Россия...

Все эти впечатления от поездки нашли отражение в путевом очерке Н.Г. Гарина-Михайловского «Вокруг света», опубликованном в 1904 году. Одна из первых остановок – Гонолулу, прибрежный городок на Гавайях, или, как тогда говорили, на Сандвичевых островах. Гарина-Михайловского, этого любознательного человека с седой бородкой и «с удивительно молодыми глазами» (как подметил наблюдательный К. Чуковский) интересует в поездке абсолютно все – и экзотика тропических мест, и непривычный уклад жизни населения, и подробности развивающейся в Америке новой цивилизации, связанной с бурным техническим прогрессом. В путешествии *инженер Михайловский и писатель Гарин* как бы сменяют друг друга, каждый находит в созерцаемом внешнем мире что-то свое. Конечно, Гарина-писателя интересуют, прежде всего, люди. Люди разных национальностей, разного цвета кожи, различных вероисповеданий, культурных традиций, трудовых навыков и творческих предпочтений. Эти люди по-своему интересны все, начиная с пассажиров океанского парохода, с которыми Гарину приходится делить радости и трудности путешествия.

«Время идет однообразно, я знакомлюсь со своими спутниками. Там, на суше, все эти люди будут опять и сухи, и деловиты. Вся проза будничной сутолоки опять четко выпишется на их лицах и складках их лиц, но теперь у нас у всех – месяц обреченных мерно качаться на этих волнах,

покой и праздничный отдых. Мы не хотим прозы, мы избегаем поглубже заглядывать в душу друг другу; мы верим на слово, что мы все таковы, какими хотим казаться» (Гарин-Михайловский 1988, с. 211–212).

Некоторые фрагменты разговоров писателя со спутниками можно квалифицировать как неразвернутые сюжеты возможных новелл, порой лирически проникновенных и трогательных. Таков, скажем, рассказ француза Н. о любовных отношениях со своей японской женой Ми-хо-то.

«Однажды вечером он (француз Н.) зашел в мою каюту, держа в руках простой, но красиво сделанный деревянный ящичек.

– Сегодня я немного грустен, cher maître. Не хотите ли вы съесть со мной это печенье и выслушать историю той, которую вы никогда не видели, а я не увижу больше.

Я хочу рассказать вам о той, которая подарила мне этот ящик с печеньями. Это моя японская жена Ми-хо-то, с которой я расстался в Иокогаме. Это печенье она принесла, провожая меня на пароход, и, по обычаю, спрятала его у меня в каюте так, чтобы я не заметил его, и я только сегодня совершенно случайно нашел его и вспомнил обычай. Я был тронут. У них такое поверие, что если бы я, найдя, съел это печенье один, то это значило бы, что я опять вернусь к ней» (Гарин-Михайловский 1988, с. 215–216).

Картины гавайской жизни привлекают Гарина своим динамизмом, своей карнавальностью, живостью и сочностью ярких красок. «Приятно увидеть опять землю, а тем более такой исключительно счастливый уголок вечной весны, как Гонолулу. То, о чем читал только, что снилось, может быть, вечная весна, вечное тепло, то я вижу теперь собственными глазами. Великолепные пальмы, ананасы, бананы... Весь в зелени тропической растительности тонет плоский берег Гонолулу. Там, на берегу, стоит толпа в самых легких костюмах: лица смуглые, загорелые. Вот бронзовое лицо малайца, вот черное негра, оливковое испанца, метиса, японца. Вот веселая свадебная группа местных колонистов: веселые, крикливые, сухие, длинноногие, все увитые гирляндами цветов. Яркая, пестрая картинка юга в блеске радостного южного утра земли» (Гарин-Михайловский 1988, с. 218).

Писатель Гарин, имевший дальневосточный опыт собирания, обработки и публикации корейских сказок, и тут, на Гавайях, восприимчив к легендарному прошлому островов, к архетипам мифологического сознания местного населения, к событиям мистического и обрядового характера. Вот он пишет об одном из таких случаев: «Вот красивое лицо молодой малайки, – это дочь одного из Каракао, бросившаяся в кратер в начале нынешнего столетия. Тогда был страшный голод,

и жрецы требовали человеческой жертвы, и, чтобы спасти свою родину, она бросилась в вулкан. Память народная навсегда увековечила ее, – дух ее считается покровительницей всех этих островов. Я опять подхожу к картине здешнего громаднейшего в мире вулкана. Он имеет в окружности несколько миль, и в период сильных извержений от него течет огненная река в Тихий океан» (Гарин-Михайловский 1988, с. 219).

Гарина-Михайловского, рационально мыслящего инженера-практика и одновременно неисправимого мечтателя, поражает знакомство с Америкой, ее богатством и технической вооруженностью. Вот он стоит на калифорнийском берегу, продуваемый тихоокеанскими ветрами, вот несется в пульмановском вагоне трансконтинентального поезда Сан-Франциско – Нью-Йорк, жадно присматриваясь и к людям, и к устройству социальной жизни, и к техническим подробностям машинной цивилизации. Инженер-путеец Н.Г.Михайловский, чья жизнь была самым теснейшим образом связана с масштабным строительством российской Транссибирской магистрали, здесь, на другом континенте, с особым любопытством и некоторой ревностью присматривается к американской трансконтинентальной железной дороге, связывающей берега двух океанов.

«Мы мчимся со скоростью 90 верст в час через всю Америку в Нью-Йорк. Шесть дней пути, но как облегчен переезд! Вагоны, о которых мы и понятия не имеем по роскоши и удобствам. С моей точки зрения, прямо безумная роскошь. Штофная мебель, атлас, шелк, бронзы, инкрустации, хрусталь. Библиотека, читальная, курильная, парикмахерская, разговорная, вагон-столовая. Громадный вагон, каждое утро сменяющийся новым, с новым рестораном, новой кухней, новыми блюдами. Я вспоминаю наш бедный сибирский поезд, все с тем же воздухом, закусками и блюдами от Москвы и до Иркутска – от испарений одного пива противно войти в наш вагон-столовую» (Гарин-Михайловский 1988, с. 236).

«Вокруг света» – очерк. Выбор жанра неслучаен. У этого жанра есть свои возможности для фиксации мимолетных впечатлений и своеобразной социальной диагностики. Об очерке существует серьезная теоретическая литература (Михельсон 1974; Маслова 1980; Скибина 2009). *Склонность к очеркизму* вообще была главной особенностью художественной ориентации Гарина-Михайловского. «Несколько лет в деревне», «Деревенские панорамы», «В сутолоке провинциальной жизни» – это все не что иное, как развернутые очерки. А написанные Н. Гариным «Картинки Вольни», «Карандашом с природы. По Западной Сибири», «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову», «Из окна вагона», «Вокруг света» по жанро-

вой принадлежности следует отнести к *путевым очеркам*. Надо заметить, в русской литературе второй половины XIX века очерк был чрезвычайно популярным жанром. Кто только ни обращался к этому жанру! М.Е. Салтыков-Щедрин, С.Я. Елпатьевский, П.В. Засодимский, Н.Н. Златовратский, Н.К. Михайловский, Н.Е. Каронин-Петропавловский, В.Г. Короленко, Н.Г. Гарин-Михайловский, этот авторский ряд впечатляет своей немалой протяженностью.

Очерк «Вокруг света» представляет собой отнюдь не праздные путевые заметки любопытствующего туриста. Очерк написан с оглядкой на российскую действительность, сопоставление жизненных укладов имеет явно выраженную практическую направленность. В американской хозяйственной жизни он видит отсутствие тех досадных преград, которые характерны для российского типа ведения предпринимательской деятельности. В тексте есть социально-экономические рассуждения, даже статистические выкладки. Конечно, писатель видит и позитивные, и теневые стороны стремительного технического прогресса. Так, Гарина оттолкнула картина чикагских боен.

«А вот и Чикаго. Между двумя поездами мы успеваем осмотреть знаменитые здесь бойни, на которых ежедневно убивают несколько тысяч крупного скота и до 15 тысяч свиней; бойни устроены за городом, их окружают изгороди, и в них множество скота всякого сорта и вида. <...> Так отвратительно впечатление от всего этого, от ужасного запаха, что долго еще после того смотришь на все с точки зрения этих боен, этого равнодушия, этой вереницы движущихся мертвых белых трупов, а в центре их – фигура, распространяющая всюду эту смерть, вся в белом, спокойная и удовлетворенная, с длинным острым ножом» (Гарин-Михайловский 1988, с. 239–240).

Автор очерка пишет о поразительной ограниченности человека, упоенного богатством и одержимого идеей безостановочного накопления. Модель такого человека формирует реклама, газеты, общественные институты.

Разбираясь в своих противоречивых впечатлениях от Америки, Н.Г. Гарин-Михайловский порой активно спорит с самим собой: «Можно говорить, что ... в Америке много денег, но мало поэзии, мало искусства, нет вчерашнего дня; что американец – человек без тени, которая не успела еще вырасти... И, несомненно, известная ремесленность чувствуется и шокирует, скучно за прошлым, и мало философии у этих деловых людей. Но все это кажущееся и второстепенное в сравнении с тем, что уже есть; и то, что есть, красноречиво говорит, что и остальное так же пышно и быстро расцветет, как уже расцвели здесь общественная жизнь, свобода женщин и мужчин, как расцвели техника и экономическое благосостоя-

ние этой великой страны» (Гарин-Михайловский 1988, с. 242).

Америка привлекает писателя своей деловитостью, умением без излишней суеты поддерживать высокие темпы преобразований. Кстати, не случайно американские образы и соотнесения часто использовались для чисто российских сопоставлений. Так, Самару, сообразуясь с такой логикой, называли «*русским Чикаго*», имея в виду как раз высокий темп ее развития в конце XIX века. Наверное, вполне закономерно свое стихотворение об исторической будущности России А.Блок называет «Новая Америка». Америка всегда удивляла русских писателей, удивляла, привлекала и одновременно порой отталкивала. Как отметил однажды художник Мартирос Сарьян, способность удивляться – один из величайших даров, которым наградила человека природа. Таким чувством многогранного удивления был наполнен цикл очерков Владимира Маяковского «Мое открытие Америки», который создавался в 1925–1926 годах. Очерки не претендуют на исчерпывающую полноту. Это скорее текст-пунктир, но его парадоксально-яркие и точные строки позволяют воочию представить облик Мексики и Северо-Американских Соединенных Штатов тех лет. Удивление, которое испытывает поэт, имеет разные источники и разную эмоциональную окраску. Выдающиеся технологические достижения Штатов вызывают у поэта, столь открытого будущему, и удивление, и интерес, и творческое приятие. Увиденные сцены социального и расового неравенства, напротив, добавляют к удивлению эмоцию вполне объяснимого гнева.

В путевых очерках Н. Гарина-Михайловского мы наблюдаем реализацию *двойной повествовательной оптики*. С одной стороны, внешний мир оценивает рационально мыслящий инженер-прагматик, а, с другой стороны, красотой далеких, весьма экзотических пространств с их первозданной природой любителю искусства, имеющий развитый эстетический и творческую способность удивляться. В цикле очерков «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову» мы находим отражение такой двойной оптики. «Заведуя в этом районе участком сибирских изысканий, я навлек на себя тогда гнев томских газет за то, что провёл магистраль не через Томск, ограничившись веткой к нему. Но дело в том, что ветка вышла короче удлинения магистрали, если бы она прошла через Томск. При таких условиях, принимая во внимание транзитное значение Сибирской дороги, не было никаких оснований заставлять пробегать транзитные грузы лишних сто двадцать – сто пятьдесят верст. Основное правило идеальной дороги – кратчайшее расстояние и минимальные уклоны. В этом отношении – образец, как это ни странно, наша первая Николаевская желез-

ная дорога. Затем мы точно разучились строить, и Московско-Казанское общество дошло в этом отношении до обратного идеала, умудрившись накрутить между Москвой и Казанью лишних двести верст. <...> Но ближе к сухим пригоркам попадаетесь поразительной красоты лес, ушедший вершинами далеко в небо. Желтые стволы сосен, там вверху заломившие, как руки, свои ветви. Нежная лиственница с своим серебряным, стройным стволом. Могучий кедр темно-зеленый, пушистый. Целая куртина нарядных кедров: больших, стройно поднявшихся кверху, маленьких, как дети, окружившие своих отцов. Между ними сочная мурава, и яркие солнечные пятна на ней, и аромат, настой аромата в неподвижном, млеющем воздухе. Поднимешь голову и, где-то там, вверху, в беспредельной высоте, видишь над собой кусочек яркого голубого неба. Все притихло и спит в веселом дне. Но треск ветки гулким эхом разбудит вдруг праздничную тишину, и проснется все: какой-то зверек прошмыгнет, отзовется редкая птица, а то, ломая сухие побеги, прокатит и сам хозяин здешних мест – косолапый, проворный и громадный мишка» (Гарин-Михайловский 1988, с. 265–266).

Мы видим, как чисто технические деловые рассуждения уступают место поэтическому любованию открывающейся пространственной перспективой. Наверное, такая поэтическая жилка помогала Н. Гарину-Михайловскому не только в литературных начинаниях, но и в инженерной деятельности. Любое творчество – и художественное, и техническое – невозможно без чувства прекрасного. А Николай Георгиевич этим чувством обладал сполна. И конечно, творчество невозможно без фантазии. Об этой склонности к творческой фантазии писал А.И. Куприн в своем мемуарном очерке о Н. Гарине-Михайловском: «В эту пору Николай Георгиевич был занят изысканием для постройки электрической железной дороги через весь Крымский полуостров от Севастополя до Симферополя через Ялту. Этот огромный план давно уже привлекал внимание инженеров, но никогда не выходил из области мечтаний. Михайловский первый вдохнул в него живую душу и по чести может быть назван его отцом и инициатором. Он нередко говорил своим знакомым, полушутя-полусерьезно, о том, что постройка этой дороги будет для него лучшим посмертным памятником и что два лишь дела он хотел бы видеть при своей жизни оконченными: это – электрический путь по Крыму и повесть «Инженеры». Но – увы! – первое начинание было прекращено внезапной вспышкой японской войны, а второе – смертью. Каким он был инженером-строителем, я не знаю. Но специалисты уверяют, что лучшего изыскателя и инициатора – более находчивого, изобретательного и остро-

умного – трудно себе представить. Его деловые проекты и предложения всегда отличались пламенной сказочной фантазией, которую одинаково трудно было как исчерпать, так и привести в исполнение. Он мечтал украсить путь своей железной дороги гrotами, замками, башнями, постройками в мавританском стиле, арками и водопадами, хотел извлечь электрическую энергию из исторической Черной речки и действительно думал создать беспримерный волшебный памятник из простого коммерческого предприятия» (Гарин-Михайловский 1988, с. 521).

Заключение

Н.Г. Гарин-Михайловский своими путевыми очерками, несомненно, обогатил корпус текстов отечественной *литературной метагеографии*, и без этой странички наше знание большого мира, находящегося вне «сутолоки провинциальной жизни», было бы неполным.

История литературы убеждает нас в том, что, постигая чужеземные пространства, писатель на самом деле очень часто торит дорогу к самому себе, ведь любое путешествие – это сложный, порой рискованный и мучительный *путь к себе истинному*, поэтапное восхождение к верховным авторитетным инстанциям, составляющим нравственный мир Личности. И духовное пространство человека, и пространство внешнего по отношению к человеку мира (то есть пространство города, страны, континента, целой планеты!) и, наконец, пространство Культуры со всеми ее высями и глубинами являют сообщающиеся между собой сферы. Поэтому путевой очерк в конкретной художественной практике того или иного писателя порой сближается и с автобиографическими жанрами.

Библиографический список

- Гарин-Михайловский Н.Г. Проза. Воспоминания современников / Сост., вступ. ст. и ком. Г.М. Миронова и Л.Г. Миронова. Москва: Правда, 1988. 576 с.
- Гордович К.Д. Н.Г. Гарин-Михайловский: Личность и творчество. Санкт-Петербург: Издательство «Петроний», 2014. 312 с.
- Замятин Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. Москва: Аграф, 2004. 512 с.
- Маслова Н.М. Путевой очерк: проблемы жанра. Москва, 1980.
- Михельсон В.А. «Путешествие» в русской литературе. Ростов-на-Дону, 1974.
- Скибина О.М. Жанр путевого очерка на страницах периодики 80-90-х годов XIX века // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2009. № 6.

Розанов В.В. Русский Нил // Новый мир. 1989. № 7. С. 188–231.

Тынянова Л.Н. Неукротимый Гарин. Москва: Дет. лит., 1974. 143 с.

Юдина И.М. Н.Г. Гарин-Михайловский: жизнь и литературно-общественная деятельность / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. 238 с.

References

Garin-Mihajlovskij, N.G. (1988), *Prose. Memoirs of contemporaries*, Comp., intro. art. and com. G.M. Mironov and L.G. Mironov, Pravda, Moscow, Russia.

Gordovich, K.D. (2014), *N.G. Garin-Mikhailovsky: Personality and creativity*, Izdatel'stvo «Petronij», St. Petersburg, Russia.

Zamjatin, D.N. (2004), *Metageography: The space of images and images of space. Dmitry Zamyatin*, Agraf, Moscow, Russia.

Maslova, N.M. (1980), *Travel essay: problems of genre*, Moscow, Russia.

Mihel'son, V.A. (1974), *"Journey" in Russian literature*, Rostov n/D, Russia.

Skibina, O.M. (2009), Genre of travel essay on the pages of periodicals of the 80-90s of the XIX century, *Vestnik Moskovskogo universiteta*, Serija 10, Zhurnalistika, no. 6.

Rozanov, V.V. (1989), Russian Nile, *Novyj mir*, no. 7, pp. 188–231.

Tynjanova, L.N. (1974), *Indomitable Garin*, Det. lit., Moscow, Russia.

Yudina, I.M. (1969), *N.G. Garin-Mikhailovsky: Life and Literary and Social Activity*, AN SSSR, Institut ruskoj literatury (Pushkinskij dom), Nauka. Leningr. otd-nie, Leningrad, Russia.

Submitted: 21.04.2022

Revised: 06.06.2022

Accepted: 17.06.2022